

СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОЧЕРК К.Л. ХЕТАГУРОВА «ГОРСКИЙ СЛОВЕСНЫЙ СУД»
И ПРОБЛЕМА РЕОРГАНИЗАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ ГОРЦЕВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 70-Х гг. XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-37102 а/Ю

Е. И. КОБАХИДЗЕ

В небольшом очерке К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» [1, 220–221] поднимается проблема, ставшая весьма актуальной для Северного Кавказа на рубеже XIX–XX вв. Очерк был опубликован в № 60 газеты «Северный Кавказ» 22 мая 1901 г. и отражал одну из точек зрения, существовавших в обществе по поводу необходимости реформирования низовых судебных учреждений, созданных для горского населения Кубанской и Терской областей в начале 70-х гг. XIX в. Признавая в целом саму идею создания горских словесных судов, К.Л. Хетагуров сом-

невался в реальной эффективности этих учреждений, обнаруживших в действительности свою полную несостоятельность, и настаивал на их упразднении с одновременным предоставлением горским народам Кавказа права судиться на общих для всего населения Российской империи основаниях, вплоть до введения суда присяжных. «Всякий народ, входящий в состав империи с несомненно верноподданническим чувством, — утверждает К.Л. Хетагуров, — достоин пользоваться судом общегосударственным, судом «правым, скорым и милостивым», тем

судом, которого на Кавказе ждут с томительным нетерпением. Пора, давно пора вырвать туземцев Кавказа из когтей отжившего свой век «Горского словесного суда».

Противоположная позиция была немедленно высказана оппонентом К.Л. Хетагурова в «Терских ведомостях», где за подписью «Ш.» опубликована небольшая заметка откровенно проправительственного характера с таким же, как и очерк К.Л. Хетагурова, названием [2]. Автор заметки, в свою очередь, сомневается в пригодности суда присяжных для туземцев, поскольку, по его словам, необходимо, чтобы учреждение было не только «само по себе хорошо», но чтобы оно еще и «находилось в согласии с духом и привычками народа». Основная идея оппонента К.Л. Хетагурова — необходимость согласия с обычным правом, что только и сделает существующее судопроизводство эффективным. «Если мы видим, что население Кавказа быстро ассимилируется с русскими, воспринимает их язык, заводит школы, обращается к мирному труду, то не объясняется ли это тем, что русские в завоеванных областях всегда воздерживались от ломки туземных обычаев, относясь с уважением к их понятиям и привычкам?» — задается риторическим вопросом автор публикации.

Чтобы разобраться в существе развернувшейся полемики, нужно обратиться к истории возникновения горских словесных судов и тем конкретным обстоятельствам, которые побудили кавказскую администрацию к учреждению столь специфической организационной формы судопроизводства для горцев Северного Кавказа.

Исходя из стратегических политических задач в регионе, российское правительство уже первые свои шаги в

административном освоении края связало со сферой судопроизводства, которая ранее других сфер жизнедеятельности горских обществ подверглась стандартизации и унификации в соответствии с общероссийскими установлениями, оказавшись тем основным каналом, по которому проникновение государственно-административных методов управления в общественный быт горцев шло наиболее интенсивно. С одной стороны, это объяснялось тем, что местная судебная практика, ввиду ее относительной автономности в системе традиционной общественной власти и функционирования в ясно выраженных институциональных формах посреднического суда, оказалась для российских администраторов наиболее очевидной. С другой стороны, свою роль в выборе приоритетных форм административного воздействия в новоприобретенной окраине сыграли особенности российской политической системы, в которой судебная власть тесно переплеталась с собственно административной. Именно законодательному праву придавалось значение основного инструмента, должно было обеспечить интеграцию населения Кавказа в административно-правовое поле империи.

После завершения Кавказской войны российские политические позиции в регионе утвердились окончательно, что дало возможность Петербургу вплотную заняться административно-территориальным устройством кавказской окраины с тем, чтобы сблизить ее в социально-экономическом и политико-правовом отношениях с остальной частью страны. Как и прежде, территориально-административные преобразования 60-х гг. XIX в. практически не затрагивали механизм судопроизводства в социальных структурах низово-

го уровня, где продолжали функционировать посреднические суды, правда, со значительно урезанными полномочиями: под их юрисдикцию попадали только гражданские дела, а уголовное разбирательство было в основном переведено на общероссийскую законодательную базу. Просуществовавшее в таком виде до начала 70-х гг. XIX в. судопроизводство у осетин представляло собой «как бы последнюю, переходную ступень от прежнего судопроизводства, основанного на местно-национальных началах, к общерусскому...», не соответствуя все же «духу русского закона» [3, 81]. Можно констатировать лишь стремление кавказской администрации к упорядочению деятельности медиаторских и народных судов путем введения в судопроизводство элементов формализации самой процедуры разбирательства с одновременной легализацией традиционных юридических систем при разрешении некоторых незначительных гражданско-правовых дел [4,1192–1198; 5,497–502].

В то же время, стандартизация управления в различных областях региона в 60-х — 70-х гг. XIX в. требовала и соответствующих изменений в судебно-процессуальной сфере. Упразднение военно-народных округов и введение гражданского управления в Кавказском наместничестве в начале 70-х гг. XIX в. [6,99] привело к тому, что горское население формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением края.

Введенные в России судебные уставы 20 ноября 1864 г. утверждали новые принципы судостройства и судопроизводства, в соответствии с которыми предусматривалось создание двух систем судебных учреждений в виде окружного (с назначаемыми судьями) и мирового (с избираемыми судьями)

суда. Система мировых судов соответствовала административно-территориальному делению: каждый уезд с входившим в него городом, или даже отдельный крупный город, составляли мировой округ, в свою очередь делившийся на несколько участков с участковыми и почетными мировыми судьями. Высшей мировой инстанцией являлся съезд мировых судей каждого мирового округа. Коронный суд также имел две инстанции: окружной суд и судебную палату. Окружные суды создавались для нескольких уездов, и их деятельность строилась на принципе бессловности. Именно при окружных судах начали свою работу суды с участием присяжных заседателей [7,18–19].

Реформа судебной системы положила начало дальнейшей последовательно направленной деятельности правительства на всемерную формализацию и бюрократизацию судопроизводства в Кавказском наместничестве, в основе изменений которого лежала идея унификации судебных установлений для гражданского, военного и горского населения края. В соответствии с ходатайством наместника вел. кн. Михаила Николаевича о скорейшем введении на Кавказе судебных уставов 1864 г. распространение новой системы судопроизводства, подразумевавшей введение институтов присяжных и адвокатуры, гласный характер судебного процесса, а также устранение из процедуры разбирательства по уголовным делам сословных представителей, началось в 1868 г. со Ставропольской губернии [8,315–316], а в конце 1869 года перешло в Кубанскую и Терскую области и Черноморский округ [9, 415–416]. Указом от 30 декабря 1869 г. эти административно-территориальные единицы причислялись к округу Тиф-

лисской судебной палаты (причем Черноморский округ подчинялся ведению Екатеринодарского окружного суда). В судебном отношении Терская область представляла один судебный округ, подведомственный учрежденному тогда же Владикавказскому окружному суду и делившийся на 13 судебно-следственных участков [10,5].

Между тем, проведение судебной реформы на Кавказе отличалось рядом существенных особенностей. Принцип разделения судебной и административной власти, заложенный в основу преобразований, здесь практически не исполнялся ввиду специфики системы административного управления местными народами, высшим звеном в которой являлся кавказский наместник, сосредоточивший в своем лице все функции исполнительной власти в регионе. Судебные функции исполнялись и окружными начальниками, председательствовавшими в окружных судах. Одним из серьезных изъятов стало также отсутствие суда присяжных заседателей [9,416]. Не менее существенным отступлением от основной идеи реформы стало сохранение особых судебных учреждений для горского населения Кубанской и Терской областей. Реформа отразилась только на организационных формах их деятельности.

На основании п.п. 5, 11 указа от 30 декабря 1869 г. вводились «Временные правила для горских словесных судов», утвержденные наместником 18 декабря 1870 г. как «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» и распространявшиеся исключительно на горское население края [11; 12, 135–145]. При этом «временность» действия нововведений подразумевалась «впредь до полного введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г.» и ставилась в прямую зависи-

мость от «успеха гражданственности» в крае [13,8]. Новая система судопроизводства предусматривала сохранение народных судов для горцев и вводила принцип отделения судебных властей от военных и гражданских. Однако бытующие в горской среде традиционные юридические нормы предполагалось со временем привести в соответствие с российским законодательством, что поручалось личному усмотрению наместника [9,416], а народные суды в конце концов должны были смениться словесными судами. Но пока, согласно «Временным правилам», в ведении народных судов, использовавших в своей практике нормы обычного права и шариата для урегулирования ряда гражданских и уголовных преступлений, оставались лишь отдельные дела, предусмотренные общероссийским «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (изд. 1866 г.).

Создание горских словесных судов отвечало идее унификации организационной структуры судопроизводства в регионе. Теперь именно горские словесные суды, учреждаемые по одному в каждом округе и отделе, представляли для горского населения первую судебную инстанцию, являясь по существу судебно-административными учреждениями низшего уровня. Апелляцию на их решения можно было подавать непосредственно начальнику Терской области. Право окончательного разрешения дел, возникших в горских судах Терской и Кубанской областей, принадлежало наместнику как главнокомандующему через штаб Кавказского военного округа.

Положением о «Горском словесном суде» был узаконен принцип выборности рядовых членов суда, председательствовать же в суде назначалось начальнику округа, либо его помощнику,

либо помощнику атамана отдела или участковому начальнику. (Много позже, в 1908 г., устанавливался новый порядок выборов членов суда — двухстепенный, на три года, с месячным жалованием депутатам суда 16 руб. 66 коп. [13,16–17].)

Подсудность этих учреждений определялась прежде всего принадлежностью спорящих сторон к горскому населению и родом самих дел. В случае, если одну из спорящих сторон представляли лица, не принадлежавшие к «горскому населению», разбирательство переносилось в общие судебные установления. Словесные суды были вправе рассматривать гражданские иски, не превышавшие 30 рублей и отнесенные к ведению мирового судьи, иски о наследстве, о невыполнении долговых обязательств (с суммой иска не выше 2000 рублей — в Терской и Кубанской областях, а в Нальчикском горском суде — до 4000 рублей), а также некоторые уголовные преступления, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: 1) о непредумышленном нанесении ран, увечья или смерти (несоответствие российского уголовного законодательства традиционной системе наказаний в случаях убийства, мотивированного кровной мезьтвю, привело к изъятию из ведения окружного суда дел «кровомщения» и передаче их на рассмотрение в горские народные суды); 2) о нарушении пределов необходимой самообороны; 3) о кражах со взломом, если цена похищенного не превышает 300 рублей; 4) о похищении женщин. Подсудность гражданских исков определялась также местом жительства ответчика. В отношении уголовного разбирательства устанавливалось, что потерпевший не лишается права обращения в общие судебные

установления, но лишь до начала рассмотрения дела в горском словесном суде.

В качестве наказания в горском словесном суде применялись как административные меры (тюремное заключение, либо высылка во внутренние российские губернии, с 1893 г. — и в Сибирь, при этом суд был правомочен лишь вынести решение о виновности, мера же наказания определялась вышестоящим начальством), так и традиционные, предусмотренные обычно-правовыми нормами (штраф или изгнание из общества, причем размер штрафа, а также срок и место высылки определялись судом). Однако виды наказания, налагаемого горским словесным судом, в разных областях Кавказа не были одинаковыми, и, например, в Терской и Кубанской областях не использовались изгнание из общества и административная высылка за пределы края. В целом приговор словесного суда считался окончательным, если им определялось денежное взыскание не выше 30 рублей с одного лица, арест не выше одного месяца, а штраф по адату не превышал 100 рублей. Окончательным решение по гражданским искам считалось, когда сумма иска не превышала 100 рублей.

Однако Осетия уже через год после учреждения горского словесного суда была изъята из его подсудности под предлогом того, что большинство осетин исповедует православную веру, — на Владикавказский округ было распространено действие судебных уставов России [14, 141–142]. В судебном отношении 28 октября 1871 г. был создан Владикавказский судебно-мировой округ, включавший шесть судебно-мировых участков [10,5]. Тяжелые уголовные преступления, совершенные в селах, а также поземельные тяжбы

передавались в ведение созданных мировых судов. Апелляционной инстанцией для них стал Владикавказский окружной суд, в который дела попадали по рапортам сельских старшин. На весь округ был утвержден один мировой судья в слободе Алагир, и лишь в 1897 г. открыли участок во Владикавказе. Должность председателя мирового суда стала назначаемой [15, 291]. А с 22 декабря 1903 г. из подсудности горских словесных судов Кубанской области изымались дела, в которых участвовали осетины православного исповедания в качестве обвиняемых или потерпевших — все эти дела передавались на разрешение мировых или общесудебных установлений [13, 20–21].

Учреждение низовых судебных структур значительно облегчало работу окружных судов, куда поступало весьма незначительное количество дел, и основная нагрузка приходилась на сельские суды, где поток «маловажных» дел рассматривался в ходе словесного разбирательства сельскими судьями.

Хотя положение «О горском словесном суде» во многом унифицировало процесс судопроизводства на низовых уровнях судебной системы, обращение к положениям обычного права при разбирательстве мелких дел гражданского характера и применение в самом судопроизводстве традиционных элементов (принесение очистительной присяги, соприсяжничество, непризнание свидетельских показаний женщин, примирение сторон, композиционные выплаты в качестве возмещения ущерба и пр.) практиковалось одновременно с переводом уголовного и гражданского судопроизводства на общероссийскую законодательную базу [13, 27, 28; 16, 85].

Впрочем, тенденция на приведение

всех элементов системы судопроизводства в соответствие с общими законоположениями была явно обозначена еще до проведения реформы — уже в деятельности народных судов в беспрецедентных случаях применялись российские законы, что ограничивало сферу влияния на судебную процедуру обычного права, стремившегося любым прецедентам, случавшимся в общественной жизни, придать циклический характер, рассматривая их в виде частного случая традиционной нормы [17, 7–8]. Этот же принцип наследовал и горский словесный суд, который в разрешении уголовных дел определял «по совести — степень виновности обвиняемого, по обычаю — количество вознаграждения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону — следующее виновному наказание» [17, 52]. Даже после проведения на Кавказе в начале 70-х гг. XIX в. судебной реформы и учреждения горских словесных судов целый ряд пережиточных традиционных норм сохранился в судебной деятельности не только сельских словесных судов, но и в окружном словесном суде.

В основу деятельности горских словесных судов, таким образом, оказалась положена идея, как пишет К.Л. Хетагуров в своем очерке, «сама по себе гуманная», поскольку «адаты настолько вкоренились в туземном населении..., что трудно было одним росчерком пера подчинить их общесудебным учреждениям» [1, 220]. Создаваясь для того, чтобы разгрузить окружные судебные инстанции, горские словесные суды, тем не менее, лишь вносили еще большую путаницу в судопроизводство. Эти суды были буквально завалены работой (а в производстве одновременно находилось более тысячи дел:

например, только в 1890 г. их насчитывалось 1922). Это обстоятельство даже наводило руководство Терской области на мысль увеличить число заседаний словесных судов, сделав их ежедневными и высвободив только воскресные и праздничные (для мусульман) дни. Из года в год накапливался настолько большой объем нерешенных дел, что их количество даже превосходило число дел, находившихся в текущем производстве (к примеру, к концу 1891 г. число нерешенных в словесных судах Терской области дел достигало 2192 [16,83]).

Эта процессуальная нерасторопность явно противоречила основной цели учреждения словесных судов. Возможно, обычное право и шариат, к которым в своей деятельности обращались словесные суды, также были причиной столь медленного разбирательства. Как указывалось в отчетах терской областной администрации, основная доля преступлений, разбиравшихся в различных судебных учреждениях области (например, в 1891 г. — 48%, а через два года — уже 65,4%), приходилась на нарушения права собственности. Но этот аспект традиционной жизнедеятельности местных народов отличался большим разнообразием конкретных проявлений действия обычного права в различных горских обществах, далеко не со всеми нюансами которого были знакомы те, кто должен был выносить судебное решение — назначаемые администрацией судьи. (На это обстоятельство указывал еще в 1864 г. начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, который в своем проекте «О преобразовании Главного народного суда» писал о невозможности «присказания лиц, коим известны были бы обычаи не только своего общества,

но и прочих племен, населяющих Терскую область, так как почти каждое из отдельных обществ их составляющее имеют своеобразное устройство, свои отдельные адаты, свои устные правила решения споров» [17, 2].) Одновременно сказывалась и устойчивость традиционных представлений о крайней нежелательности свидетельствования и соприсяжничества, обусловленной угрозой кровнических отношений с родственниками подозреваемого. Недаром, как показала действительность, успешнее разрешались дела, разбиравшиеся в сельских судах без участия представителей администрации, где при отсутствии в традиционной юридической практике других способов доказательств эту функцию исполняла очистительная присяга или присяга потерпевшего. Именно поэтому начальник Терской области генерал-лейтенант С.В. Каханов, придававший серьезное значение усовершенствованию судопроизводства в крае, в начале 90-х гг. XIX в. даже выступил с инициативой пересмотра «Положения о горском словесном суде» 1870 г. и составления проекта изменений и дополнений к ним [16, 86].

Кроме того, поскольку изъятие Осетии из сферы действия горских словесных судов лишило осетин возможности разбираться по обычаю, что привело только к росту числа нераскрытых преступлений ввиду вышеуказанных обстоятельств, С.В. Каханов в течение нескольких лет ходатайствовал перед командующим войсками Владикавказского округа о введении здесь горского суда (поддерживая в этом своего предшественника А.М. Смекалова), доказывая в то же время целесообразность реформы горских словесных судов [16; 19].

Практически одновременно с учреждением горских словесных судов

вводились сельские суды (в Кубанской области — аульные), ставшие одним из звеньев низовой администрации [20; 21]. Пределы их ведомства ограничивались делами, сумма иска в которых не превышала 30 рублей, однако по усмотрению начальника она могла быть увеличена до 50 рублей. Подсудности сельских судов подлежали все споры между жителями того же общества как по движимому, так и недвижимому имуществу (в пределах общинного надела), и дела о вознаграждении за ущерб, причиненный имуществу.

Таким образом, к концу XIX — началу XX вв. в Терской области функционировала достаточно громоздкая судебно-административная система, в которую помимо окружного входили мировые, горские, слободские, станичные, почетные и сельские суды с различающимися пределами ведомств, причем каждое из этих учреждений руководствовалось в своей деятельности особыми инструкциями, вырабатываемыми областным и окружным начальством. Именно такой порядок — не законодательный, а инструкционный — являлся основным механизмом упорядочения правового быта горского населения в течение всего периода становления российской административной системы [13,6–7]. В низовых судебных инстанциях рассматривались дела о незначительных правонарушениях, причем количество прошедших через них дел увеличивалось практически ежегодно, и в 1909 г. составляло уже 19338. Неопределенность законодательно-правовой регламентации их деятельности вела и к росту кассационных жалоб на принятые в этих судах решения, поступающих в областное правление. Так, в том же 1909 г. в областном правлении

было рассмотрено 515 кассационных жалоб из одних только сельских судов, из которых лишь чуть менее половины были отклонены [22,65].

Столь пестрая организация судебной сферы на Кавказе делала сомнительными конечные результаты проведенной судебной реформы, основная цель которой сводилась именно к унификации местного судопроизводства как в организационном, так и в правовом отношении. Несмотря на то, что в процессуальной деятельности низовых судебных органов, учрежденных для местного населения, и допускалось применение норм обычного права и шариата, сфера их действия была крайне ограничена, и наиболее значительные с точки зрения российского законодательства преступления находились в компетенции общесудебных установлений. Однако особенности традиционного правосознания, не различавшего гражданские и уголовные правонарушения, практически сводили на нет «попытку привить к горским и народным судам начала русского судопроизводства» [13, 10]. Предельная рационализация местной юридической практики, к которой стремилась российская администрация, согласуясь в целом с идеей укрепления центральной государственной власти, кардинальным образом противоречила обычно-правовой основе поддержания социального порядка, а шире — расходилась с принципами и нормами жизнеустройства традиционного общества. «...Населению Кавказа придется расплачиваться за свой обычай, — с горечью констатировал К. Хетагуров. — Спротивление оказывается всегда вооруженным, грабеж — разбоем, а пустое похищение движимого имущества — вооруженной кражей, и судебный приговор является прямо

несогласным с жизнью. В противном случае, если в основу его ляжет сознание бытовых условий, он разойдется с законом» [23,100].

Будучи мерой временной, призванной заменить мировые суды, введение которых зависело от личного решения наместника, горские словесные суды как одна из организационных форм местного судопроизводства пережили и наместника, и само наместничество, активно действуя и в следующем столетии. Но уже в первые годы XX века был поставлен вопрос о реформе суда на Кавказе. Причиной тому оказалась явная неэффективность деятельности горских словесных судов, главным бичом которых было лжесвидетельство. Но и это был не единственный недостаток словесных судов. Во многом их деятельность определялась тем обстоятельством, что во главе подобных учреждений находился начальник округа, не имевший специального юридического образования и, к тому же, имевший право передавать свои судебские полномочия другим должностным лицам собственной администрации. Кроме того, в лице этих «судей» совмещались обязанности по расследованию преступлений, судебной оценке ими же добытых улик и самого исполнения приговора [13,14–15].

Проблема соотношения в общественном быту горцев традиционных правовых начал, проистекавших из представлений о должном и допустимом и лежавших в основе народной нравственности, и легально-правовых общегосударственных законоположений волновала многих передовых ученых и публицистов. Эти же вопросы обсуждались и применительно к Закавказью, где целые слои общества ратовали за введение «суда общественной совести» — т.е. суда присяжных [24,52–65].

Для публицистики К.Л. Хетагурова эта тема была одной из основных, к которой он неоднократно обращался в своих произведениях («Общественный приговор», «Накануне», «Неурядицы Северного Кавказа» и др.). С одной стороны, автор симпатизировал идее организации горских словесных судов на обычно-правовых началах, поскольку она «соответствует строю горской жизни» [23,114], но с другой — призывал общественность к тому, чтобы «туземцы» рассматривались как равноправные граждане единого государства, к которым оно обязано относиться с должным уважением. Сохранение для горцев обособленных, упрощенных форм организации судопроизводства, якобы под предлогом «воздержания от ломки туземных обычаев», более соответствующего местным условиям, в действительности давало широкий простор для злоупотреблений, многочисленных нарушений законности и правопорядка, и не только подрывало веру людей в справедливость власти, но и ставило их в унижительное по сравнению с остальным населением края положение, ущемляя тем самым в законных правах граждан единого отечества.

Однако проблема введения суда присяжных на Кавказе, широко обсуждавшаяся еще в первые годы XX в., в полной мере так и не была разрешена. Лишь в 1906 г. для ряда регионов Северного Кавказа (Кубанской области, Ставропольской и Черноморской губерний) были, наконец, введены в действие те статьи судебных уставов 1864 г., которые предусматривали учреждение суда с участием присяжных заседателей [25,248–250]. Терская область в зону действия этих статей не вошла, хотя к выводу о необходимости упразднения «мнимой юстиции» привела и деятельность комиссии, ин-

спектрировавшей состояние судебного дела в Кавказском наместничестве в 1910–1911 гг. Именно повсеместного введения на Кавказе мировых и общих судебных установлений настоятельно

требовал «разумный интерес самих горцев, культурные задачи соседнего с ними русского населения и, наконец, общий государственный интерес» [13,3].

1. Хетагуров К.Л. Горский словесный суд // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Владикавказ, 2000. Т. IV.
2. Горский словесный суд // Терские ведомости. № 57 от 10 июня 1901 г.
3. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1989. Кн. 4.
4. Инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии // АКАК. Т. XII.
5. Положение об управлении Терской областью // ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1. № 38326.
6. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
7. Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.
8. ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 1-е. № 45655.
9. ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. № 47848.
10. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 г. Владикавказ, 1894.
11. Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891.
12. Положение об окружном суде // Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4.
13. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912.
14. Агишев Н.М., Бушен В.Д., Рейнке Н.М. Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912.
15. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Орджоникидзе, 1987. Т. I.
16. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1992.
17. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. В 2-х т. Одесса, 1882–1883. Вып. I.
18. ЦГА РСО–А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 8.
19. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. Владикавказ, 1893.
20. Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Тер-

ской области. Владикавказ, 1871.

21. ЦГА РСФСР–А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 680.

22. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1909 г. Владикавказ, 1910.

23. *Хетагуров К.Л.* Накануне // *Хетагуров К.Л.* Полн. собр. соч. в 5-ти т. Владикавказ, 2000. Т. IV.

24. Записка Кутаисского дворянства о введении суда присяжных // *Туманов Г.М.* Разбой и реформа суда на Кавказе. СПб., 1903.

25. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. СПб., 1909.